

НЕ СПИ

ПАВЕЛ БУЛКИН

Павел Булкин

Не спи

*<https://litres.ru/74004831>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что опаснее — когда машина ошибается или когда она всегда права?

«Не спи» — книга про время, в котором любой ответ приходит за секунды, а думать стало необязательно. Про разницу между «знать» и «понимать». Про то, как легко позволить думать за себя — и не заметить. И про любопытство, которое не даёт уснуть.

История для подростков и взрослых — о том, как в мире удобных ответов не проспять самого себя.

Павел Булкин

Не спи

Снег не умеет торопиться.

Он вообще ничего не умеет — кроме одного: падать. Но делает это с таким достоинством, с такой неспешной, молчаливой серьёзностью, будто каждая снежинка несёт на себе персональное поручение и боится его расплескать. За окном Машиной комнаты снег шёл уже третий час — ровно, густо, без ветра, — и фонарь во дворе, обычно резкий и жёлтый, стал мягким, размытым, укутанным в сияющую пелену, как леденец в обёртке. Двор исчез. Детская площадка тоже пропала. Мир за стеклом превратился в тёплое молоко, в котором медленно тонул фонарь, — и было в этом что-то снотворное, убаюкивающее, такое, от чего хотелось закрыть учебник, лечь на диван и тоже — медленно, бесшумно, с достоинством — уснуть.

Маша не спала. Она делала доклад.

На столе перед ней лежал учебник истории — раскрытый на развороте, который она видела столько раз, что уже не различала. Слева — текст, набранный тем особенным школьным шрифтом, что создан, чтобы глаз скользил, не цепляясь ни за одно слово. Справа — репродукция. Три всадника, в шлемах, с оружием, на фоне холмов и облаков. «В. М. Васнецов. Богатыри. 1898 г.» — гласила подпись. Маша скользнула

ла по ней взглядом — привычно, автоматически, как скользят по обоям, — и повернулась к ноутбуку.

Экран светился мягким голубоватым светом. В строке ввода мигал курсор — терпеливо, ритмично, как метроном.

Маша набрала: *«Опиши картину Васнецова „Богатыри“ для школьного доклада, 7 класс».*

Алиса ответила через четыре секунды.

Маша знала, что ровно через четыре, потому что машинально считала — как считают капли из крана, когда больше нечем заняться. Раз. Два. Три. Четыре. Текст появился целиком — ровный, аккуратный, с абзацами, вступлением и выводом.

«На картине В. М. Васнецова „Богатыри“ изображены три былинных защитника земли русской: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. Центральное место занимает Илья Муромец — он олицетворяет силу и мудрость русского народа. Его взгляд направлен вдаль, рука приложена ко лбу — он зорко всматривается в степные просторы, охраняя рубежи родной земли...»

И так далее. Идеально. Без единой ошибки. Без единой мысли.

Маша выделила текст, нажала «скопировать» и потянулась к чашке. Чай остыл — она это поняла по керамике: горячая чашка греет пальцы, тёплая — терпит прикосновение, а эта была уже прохладной, безразличной, как учебник, доклад, весь этот вечер, в котором не происходило ровным счё-

том ничего.

Кроме снега.

И ещё собаки.

Собака лежала на ковре у батареи — свернувшись в тугой рыжий бублик, уткнув нос в собственный хвост, — и была самым неподвижным предметом в комнате. Рыжая шерсть поднималась и опускалась — медленно, ровно, — и Маша давно перестала обращать на это внимание, как перестают обращать внимание на тиканье часов. Корги спал. Корги всегда спал, когда она делала уроки, — с тем самозабвенным, абсолютным, почти оскорбительным блаженством, на которое способны только собаки и люди, которым завтра не сдавать доклад.

Маша вставила скопированный текст в документ. Перечитала первую строчку. *«Три былинных защитника земли русской»*. Хорошо. Нормально. Пойдёт.

— Готово, — сказала Маша вслух.

— Четыре секунды, — отозвался корги от батареи, не открывая глаз. — На вопрос, над которым люди думали сто лет. Ты даже не заметила, что не поняла, о чём спросила.

— Я поняла, — Маша откинулась на стуле. — Три богатыря, защитники, земля русская. Чего тут понимать.

— Прочитай вслух. Первое предложение. То, что она написала.

Маша вздохнула — но прочитала:

— *«На картине В. М. Васнецова „Богатыри“ изображены*

три былинных защитника земли русской».

Она посмотрела на корги. Корги молчал. Одно ухо стояло торчком, второе лежало — и в этой асимметрии было что-то, похожее на поднятую бровь.

— Ну и что? — бросила Маша.

— «Защитника», — повторил корги. Он наконец открыл глаза и сел — медленно, с тем кряхтением, которое у собак заменяет вздох. — Скажи мне, Маш. Вот у тебя на этаже живёт Анатолий Петрович. Третья квартира, с собачкой.

— Ну.

— Анатолий Петрович каждое утро сидит на лавке у подъезда. Зимой, летом, в дождь. Сидит и смотрит, кто входит. Если входит жилец — кивает. Если входит чужой — спрашивает: «Вы к кому?» Верно?

— Ну верно, — Маша не понимала, к чему он ведёт, но с корги было проще соглашаться, чем спорить. Проверено.

— Жильцы его как называют?

— Ну... — Маша подумала. — Ну, «наш дед», типа, следит за порядком.

— Угу. А курьер, которого он вчера двадцать минут не пускал, пока тот не показал накладную, — курьер его как назвал?

— Я слышала, — Маша хмыкнула. — Он не очень вежливо назвал.

— Вот именно, — корги положил морду на лапы. — Один и тот же человек. Одна и та же лавка. Одно и то же занятие

— сидит и не пускает. Для своих — защитник. Для чужих — я повторять не буду, ты сама слышала. А теперь посмотри на картинку в учебнике и скажи мне: почему Алиса так уверена, что эти трое — защитники?

Маша посмотрела на разворот. Три всадника. Кони. Степь. Холмы. Илья Муромец в центре, рука у лба, смотрит вдаль. Она видела эту картинку тысячу раз — на обложках, на стенах в школе, на кружке у бабушки, — и ни разу по-настоящему не смотрела.

— Ну потому что они... — она замялась. — Ну, потому что это *богатыри*. Они защищают.

— Кого?

— Ну... русскую землю.

— От кого?

— От врагов. От... — Маша неопределённо махнула рукой. — От всяких.

— Угу, — хмыкнул корги. — «От всяких». Хороший ответ. Точный. Алиса бы одобрила. А теперь закрой ноутбук и посмотри на картину по-настоящему. Не на картинку — на картину. Что они *делают*?

Маша закрыла ноутбук — почти машинально, как закрывают дверь, когда в комнату задувает сквозняк. Экран погас. Голубоватый свет исчез, и комната стала теплее — на полтона, на полградуса, — как будто лампа на столе вздохнула с облегчением.

Маша подтянула к себе учебник.

Посмотрела.

То есть — она попыталась. Но смотреть на картинку, которую видел тысячу раз, — это как слушать слово, которое повторили двадцать раз подряд: оно теряет смысл, превращается в звук, в набор пятен, в обои. Три мужика на конях. Один большой, два поменьше. Небо, трава, камни. Что тут смотреть?

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь, — вздохнула Маша.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела, куда он смотрит, — корги кивнул на учебник. — Вот этот, центральный. Что он делает?

— Илья Муромец, — отозвалась Маша, слегка обиженная тем, что он говорит «этот, центральный», как будто она не знает. — Он смотрит вдаль. Рука у лба. Высматривает врагов.

— Может быть, — протянул корги. — А может, высматривает, кто едет. Ты когда-нибудь видела гаишников на трассе? Стоят у дороги, смотрят из-под козырька. Вот этот жест, — он поднял лапу к морде, изображая козырёк, и получилось настолько нелепо, что Маша фыркнула. — Не смейся. Тот же жест. Рука у лба, взгляд вдаль. Вопрос только — что он высматривает. Врага, чтобы защититить? Или обоз, чтобы проверить?

— Ну это же *богатыри*, — возразила Маша. — Они не таможенники.

— А откуда ты знаешь?

Маша открыла рот. Закрыла. Посмотрела на картинку. Посмотрела на корги. Пёс смотрел на неё тем особенным взглядом, которым он смотрел, когда знал, что ответа у неё нет, и ждал, пока она это тоже поймёт.

— Потому что... — Маша замялась. — Потому что все так говорят.

— Кто — все?

— Ну... учебник. И Алиса. И вообще.

— Угу, — корги положил голову набок. Уши — оба — встали торчком, и на секунду он стал похож не на профессора, а на лисёнка, который услышал мышь под снегом. — «И вообще». Хороший источник. Надёжный. А теперь я скажу тебе одну вещь, и ты мне скажешь, меняет она что-нибудь или нет.

Он помолчал. Одна секунда. Две. За окном снег всё шёл — тихий, густой, равнодушный ко всему, что происходило в этой комнате.

— Этой картине сто двадцать восемь лет.

Маша ждала чего-то другого. Чего-то большого. А получила число.

— Ну и?

— Васнецов её закончил в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. Знаешь, что уже существовало в тысяча восемьсот девяносто восьмом? Телефон. Кино. Рентген. Через пять лет братья Райт полетят на аэроплане. А Васнецов в это

время рисует трёх мужчин на конях и выдаёт их за Древнюю Русь.

Корги встал. Подошёл к столу — невысокий, рыжий.

— Былины, по которым он их рисовал, — они когда записаны, как ты думаешь? При Илье Муромце? При князе Владимире?

— Ну... наверное, давно?

— Примерно тогда же. Девятнадцатый век. Собиратели ездили по русскому Северу и записывали то, что бабушки пели внукам. Песни. Устные. Которые менялись с каждым пересказом, как сломанный телефон, только в масштабе веков. А потом пришёл Васнецов, прочитал эти записи — свежие, Маш, ещё типографской краской пахнущие, — и нарисовал *вот это*, — лапа ткнула в страницу. — И все решили, что так оно и было. Что вот так они и выглядели. Что вот так они и стояли — втроём, на холме, красивые, с мечами. И теперь ты открываешь учебник — и видишь это — и думаешь, что смотришь в окно в двенадцатый век. А ты смотришь на картинку, которую нарисовал человек, живший ближе к твоему смартфону, чем к этим троим. Он их никогда не видел. Никто их никогда не видел. Он их — придумал.

— Подожди, — Маша нахмурилась. Что-то царапнуло — не мысль ещё, а тень мысли, контур. — Но они же *были*? Илья Муромец — он же настоящий? Мощи в Киево-Печерской лавре и всё такое?

— Может, были, — корги убрал лапу с учебника, сел, по-

чесался. — Может, был человек. Или несколько. Или ни одного. Но вот эти трое, на этой картине, в этих доспехах, с этими лицами — *этих* троих точно не было. Их сделали. Собрали, как твой доклад — из кусочков, из пересказов, из чужих песен. И теперь они стоят в Третьяковке, огромные, два на три метра, и каждый, кто входит в зал, думает одно и то же: вот они, наши, защитники.

Он произнёс «наши, защитники» мягко, без иронии — и Маша вдруг почувствовала что-то странное. Не обиду, нет. Что-то другое. Как будто ей показали изнанку любимой куртки — и изнанка оказалась не грязной, не уродливой, просто другой. Незнакомой. С торчащими нитками и необработанными швами.

— Ладно, — проговорила она медленно. — Допустим, картина новая. И былины записали недавно. Но ведь кто-то стоял на заставах. Кто-то же охранял... — она запнулась, подбирая слово, — ...дороги. Границы. Что-то.

Корги посмотрел на неё — и в его глазах мелькнуло что-то, чего Маша раньше не замечала. Не насмешка. Не одобрение. Что-то тёплое, быстрое, как искра, — и погасло.

— Дороги, — повторил он. — Вот. Ты сказала правильное слово. Какие дороги были в двенадцатом веке, Маш?

— Ну... — Маша неуверенно пожала плечами. — Обычные? Из города в город?

— Тропки, — отозвался корги. — Грязь. Глина. Через лес,

если повезёт — верхом. А зимой — по замёрзшим болотам, если знаешь куда. Нет, Маш. Не было дорог. Были реки.

Он произнёс это так, как говорят очевидное — и в очевидном открывается бездна.

— Реки — это и были дороги. Единственные. Летом на лодке, зимой по льду. Всё, что двигалось — люди, товары, деньги, армии, новости, — всё двигалось по воде. Города стояли не где попало, а на реках, на перекрёстках, на слияниях. Смоленск — на Днепре. Новгород — на Волхове. И вот те трое, — он кивнул на учебник, — если они вообще существовали, они стояли не «на заставе в чистом поле», как рисует Васнецов. Они стояли у реки. У места, где река делает что-то неудобное — поворачивает, мелеет, уходит в пороги. Где лодку нужно тащить посуху. Где ты застреваешь. Где ты — *беспомощен*.

Он замолчал.

За окном фонарь мигнул — один раз, коротко, — и снег в его свете на секунду превратился из белого в золотой, а потом обратно. Батарея щёлкнула. Чай на столе стоял окончательно забытый.

Маша смотрела на картину. На трёх всадников. На руку Ильи у лба. На степь за их спинами, которая больше не выглядела как «рубежи родной земли», а выглядела как — что? Как обочина. Как место у дороги, где кто-то сидит и смотрит, кто едет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.